

ЕЛЕНА МАЛАХОВА

ТРИУМФ И ПРАХ

История о подлинном и мнимом

16+

Елена Малахова

Триумф и прах

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Малахова Е. В.

Триумф и прах / Е. В. Малахова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0643-7

Книга повествует воспоминания пожилой Изабеллы Гвидиче о выдающемся человеке, именуемом в простонародье Сатаной. За долгие годы своей жизни ей довелось стать свидетелем роковой истории и разобраться, за какие грехи Джеймса Кемелли – сына известного адвоката в Лондоне, окрестили, как исчадие тартара. Кто же он был на самом деле: гений или дьявол?

ISBN 978-5-5321-0643-7

© Малахова Е. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	17
5	20
6	22
7	24
8	27
9	31
10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Для оформления обложки книги использовалась авторская иллюстрация.

«Плотское мне больше не угодно. А в блуде вовсе смысла нет, поскольку, выкопав в саду цветы, а место их засеяв сорняками – не вырастит там ничего, кроме травы, такой же, что уже росла там.»

Джеймс Кемелли

1

Не помню, сколько мне исполнилось тогда. Определённо, я была старше подростка, но значительно моложе возраста, когда в одиночку справляются о нише, уготованной тебе в мире возможностей и несбыточных грёз. Признаться, в те далёкие годы люди виделись мне экраном кинематографа, а их истории – фильмом, воспринимаемым верой на слово. Эта самая вера не давала беспристрастно заглянуть за кулисы правды, открывающие личность тех, о ком рождаются сплетни. Но однажды та невероятная правда полностью изменила мою жизнь.

Случилось это благодаря человеку, чьё имя в творческих кругах нашего времени производят возвышенно, не скрывая восторга и трепета. Но оно до сих пор не утратило хульной репутации изгнанника, рая в глазах светских дам и большей половины мужского общества. Разумеется, мало кто знал его как Джеймса Кемелли; да и гения, подспудного в недрах своеобразной его натуры, в те годы удалось разглядеть не многим.

Пожалуй, первое, что приходит на ум о человеке с прозвищем Сатана, включает в себя безнравственность поведения и притягательную внешность повесы; возможно, избранные души вообразили бы у него вместо глаз горящие угли, а также языки пламени, бьющие из ушей. Но совершенно не таким созерцала Джеймса Кемелли я.

И прежде, чем увидеть Джеймса воочию, я столкнулась с отчаянной критикой семьи Гвидиче и её близкого окружения. Дело обстояло в сентябре. В Италии как раз намечался ежегодный праздник винограда, и мой пожилой дядя Джузеппе взял меня с собой в гости к тетушке Адалии. Вот уже десять лет она справлялась с плантацией в одиночку после того, как овдовела, и дядя с удовольствием навещал её.

День нашего приезда выдался жарким. Безоблачное небо томилось под золотом солнечных лучей. Обед был накрыт в кирпичном обветшалом доме трех этажей, типичном для сельских плантаций винограда. Стол ломился изобилием, коим тетушка славилась на протяжении многих лет. В её итальянской натуре – впрочем, как и в характере остальных участников ужина – присутствовали черты щедрого гостеприимства и почитания древних традиций, одна из которых гласила, что близкие друзья и соседи приравниваются к степени кровного родства. По той самой причине за столом присутствовали не только члены семьи Гвидиче: Антонио (младший из трех сыновей тети Адалии) с женой Доротеей и малыми продолжателями рода: мальчиком Орландо и девочкой Лукрецией; но и Агостина Медичи с дочерьми: Летицией и Каприс. Беседа шла оживленная. Говорили о познавательных поездках дяди Джузеппе по Европе, затем обсудили предстоящий праздник. Потом дядя Джузеппе вышел на улицу, желая искурить табаку, а за ним – Антонио, тётя Адалия внесла блюдо с тушенными овощами и передала его по кругу.

Я глядела на неё с любопытством незнакомца. Хоть уважаемая вдова южных районов была старше дяди Джузеппе, она сумела сохранить, как принято выражаться в Италии: «bella figura¹». При этом она обладала неприметной наружностью: мелкие серые глаза и такие же серые волосы, гладко зачесанные в пучок, а нос выглядел слишком крупным на фоне аккуратного овала лица. Она получила прекрасное воспитание, и с годами её привычки лишь упростили свои корни. Потому и впечатление производила суровое. Строгость голоса, присущая ей, останавливала неуместную откровенность собеседника, но мягкость черт лица, удрученного изобилием солнца, зачастую спасала положение.

В отличие от пышнотелой тётки Агостина Медичи выглядела утомленной, высохшей и сморщенной, как курага. Её тонкие губы, а также морщины, обтянувшие кожу густой сетью наглядности, служили намёком на скорую старость. Впавшие, будто Желоб Тонга, щеки её обнажали скулы, а за счёт уродливой худобы платье сидело на ней слишком свободно. Зная

¹ «Прекрасную фигуру (итал.)»

в какое болото, отнюдь не красящее женщину, тащит её время, она всячески старалась компенсировать невзрачность лица тяжелым слоем пудры. Без малейшей прозорливости в её темных глазах различалась злоба на всё насущное; и от колкого пронзительного взгляда хотелось спрятаться. Она вперила его в тетю Адалию, севшую за стол, и разговор поменял истоки.

– Уильям Кемелли уже приехал? – холодно спросила Агостина.

Тетя подняла на неё свои выцветшие благородные глаза.

– Нет, он будет только к вечеру. Похоже, поезд задерживается в пути.

– Слава пресвятой Мадонне! – Агостина Медичи совершила крестное знамение. – Нам удалось избежать отвратительного общества и неизбежного скандала!

За нерадивым диалогом двух старшин прослеживалось некое волнение, охватившее присутствующих. Глаза Каприс засверкали, и она силилась скрыть довольную улыбку, но едва ли. Летиция, напротив – была необычайно робкой, и после упоминания об Уильяме Кемелли взгляд её стал до предела смущённым. Тогда я не понимала, что живую реакцию готовых невест на выданье вызвал не синьор Уильям, а другой человек. Я старалась держаться непристрастной, но та атмосфера, что повисла в минуты ужина, натолкнула вопросом излиться наружу.

– Что плохого в обществе этого человека?

С высокомерием взирая на меня, Агостина сделала глоток сухого вина, но не удостоила меня ответом.

– И не спрашивай, Белла... – с открытым пренебрежением вымолвила тётя. – Мало кому приятно об этом вспоминать.

– Верно, Ада! – подхватила Агостина. – Говорят, Уильям вновь привезёт этого мерзкого дьявола!?

Её сухощавое лицо изобразило отвращение, а руки потянулись за салфеткой, уголками которой она промокнула манерно вытянутые губы. Летиция опечалилась, сильнее опуская голову, а Каприс вспыхнула глазами.

– Мама! Прошу, не говори так о нём!

– Не влезай, Каприс! – Агостина заимела оскорбленный вид. – Где твои манеры? Пожалуй, Европа вытрясла из тебя лучшие корни Италии!

В дверях появилась Тереза – чернокожая, пышная, точно взбитая перина, женщина в годах. Она была дочерью торговца полотном, замуж не вышла и работала одновременно на плантациях Гвидиче и дома синьора Кемелли бог знает сколько времени. К числу её прелестей любой бы отнёс широкую бесподобную улыбку: зубы ровные, крупные и белоснежные. Но я бы скорее подчеркнула момент, когда её мясистые щеки во время улыбки или разлитого смеха заслоняли разрез больших, на выкате, черных глаз. Она была немного прозаична, но очень мила в белых размашистых юбках и серой чалме.

Тетя Адалия любезно пригласила Терезу отобедать с нами. Но Тереза поставила блюдо поркетта² на стол со словами:

– Не желаю участвовать в балагане жалких сплетен. Вы снова судите бедного мальчика, а ведь он наполовину сирота!

– Его никто не судит, Тереза! – деликатно поправила тётя Адалия. – Поступки этого англичанина давно перешли все границы. Вспомни, в том году он испортил половину нашего урожая, когда его беспардонный конь пустился по виноградникам.

– Ничего удивительного, каков хозяин – таков конь! – добавила Агостина, порождая волну смеха, которой заразилась тётя, а Тереза, обиженно всплеснув руками, ретировалась на кухню. Когда смех перестал сотрясать столовую, и несколько минут все молча разделялись с поркеттой, с улицы вернулись дядя и Антонио, вдохновляя женщин снова говорить о богатом урожае винограда и благодати южной погоды.

² Запеченный рулет из свинины без костей.

После такой непонятной дискуссии во мне взыграло любопытство, способное подчинить себе любого пристрастного наблюдателя. Меня стало интересовать семейство Кемелли, и в продолжении дня я искала возможность расспросить Терезу о синьоре и его дьявольском спутнике. Когда мне все-таки удалось выгадать время наедине в просторах столовой комнаты, Терезу обуяло исступление.

– Мой бедный мальчик, – причитала она, – судьба с ним так жестока! Ох, чувствуя я, погубят они коня!

Тереза перескакивала с одной мысли на другую, продолжая натирать посуду.

– Я так понимаю, Уильям Кемелли родом из Англии. И зачем ему понадобилось обзаводиться плантацией в Италии?

В мягкий голос Терезы проникла горечь.

– Синьор Уильям был женат на Бьянке. Её покойный отец, дон Диего, оставил ей плантацию в наследство. Когда бедняжка умерла, Уильям забросил усадьбу. Знала бы ты, какой чудесной, кристально чистой души была Бьянка! – Тереза замялась. Её задумчивые глаза уставились в тарелку, затем поглядели в окно. – Ох, и погубят они коня!

Было довольно трудно уследить за ходом бегущих мыслей Терезы, и я старалась упорядочить вопросы.

– От чего умерла Бьянка?

– Заражение крови, кажется. Уильям тяжело перенес трагедию. Он забрал бедного мальчика в Англию после похорон. Я видела, как синьор переживает, и предложила оставить Джеймса здесь, под моим надзором. Но он пророчил сыну великолепное будущее и отдал его учиться в Лондоне. Теперь они приезжают редко, в основном на праздник винограда.

Я молча вникала, а Терезу охватила охота говорить.

– В прошлом году Джеймс купил лошадь. Помню, как говорила ему: «Зачем такая нужна? Глазища чёрные, непроглядные, точно бездна. Да ещё и уродлива на один глаз. А сама как смерть – жуткая!» Но Джеймс полюбил её, – после недолгой заминки Тереза добавила, – да, полюбил...

Неуверенность её заявления смущала. Могло показаться, что в сказанном Тереза убеждает больше себя, нежели меня.

– Так почему Джеймса считают дьяволом? – спросила я, дотирая последнюю тарелку.

Тереза махнула рукой.

– Чепуха! Они слишком несправедливы к нему. Пх! Возомнили, что он из преисподней... А ведь он мой бедный мальчик. Как же ему нелегко!

После того разговора с Терезой стало понятно, что она вдохновилась Джеймсом Кемелли, как мир искусства вдохновился Сандро Боттичелли³ и его несравненной Венерой. Я прониклась к Джеймсу, ещё не видя его. Казалось бы, тайна исчерпала себя, но не тут-то было...

³ Иначе Алессандро ди Мариано ди Ванни Филиппи (1445 – 1510 гг.) – великий итальянский живописец эпохи Возрождения, представитель флорентийской школы живописи.

2

В южных районах существует традиция, именуемая *Passeggiata*, когда после обеда домо-чадцы совершают прогулки. Исполняя безукоризненно то, что годами закладывалось народом, участники трапезы вышли на прогулку и поделились согласно интересам: впереди следовали мужчины, затем – тётя и синьора Агостина, а позади – я и две сестры Медичи.

Каприс болтала без умолку, рассказывая о проведенной поре в Германии и своих замужних сверстницах. Ей поскорее хотелось стать солидной и уважаемой синьорой, как все те, кто обзавелся супругом и собственным домом. Она восторгалась жизнью в браке и на ходу придумала имена пятерым нерождённым детям. Руками она изображала не вполне уместные жесты, при этом зычно смеялась и запрокидывала голову. Не взирая на развязную веселость, её взгляд оставался пристальным, едким и заставлял чувствовать себя неудобно. Видимо, Каприс старалась продемонстрировать, что человек, открыто глядящий на собеседника, не хранит за душой камень потаенного греха.

Застенчивая Летиция не обронила ни слова, что выглядело не под стать говорливым девицам той местности. Она напоминала натурщицу картины «Дама с единорогом⁴». На её овальном лице довольно выгодно смотрелись чёрные, широко поставленные глаза. Высокий лоб и узкий аккуратный рот выдавали прямое отношение рода Медичи к буржуазной общине. Длинные, слегка выющиеся волосы переливались золотом, а руки истончали бесподобную нежность кожи.

Летиция приходилась Каприс сводной сестрой (вдовец Адриано Медичи женился на Агостине, уже имея дочь Летицию). Вероятно, поэтому разница между ними была ощутима. Если Летиция оживляла в памяти картину Рафаэля, то Каприс будто сошла с «Портрета молодой венецианки⁵». Она имела длинные рыжеватые волосы, орлиный нос и крупные черты. Они придавали её расплывчатому лицу мужеподобный вид, что в значительной степени усугублялось покатым подбородком, сильно выступающим вперёд на фоне скошенного лба. Её живые бегающие глаза наполнились лукавством. Внимательно за нами следя, Каприс подметила наше молчание и замыслила дурное. Вид у неё стал невероятно кичливый и дерзкий. Она схватила меня под руку, пронзая Летицию, идущую в шаге от нас, издевательским взглядом.

– Слышала новость: Летицию собираются замуж выдать?

Быстро подняв глаза на сестру, Летиция залилась краской.

– Не болтай, лгунья! – вскричала она. – Матушке он не по нраву, значит, она не даст своего благословения.

– Как отец решит, так и будет! – отпарировала Каприс. – И ты знаешь об этом не хуже меня.

– Лгунья! – повторила Летиция.

От уверенной злости сестры задор Каприс только усугублялся, и она продолжила вести беседу со мной, делая вид, что мы наедине.

– Он такой очаровательный. Только разговаривает плохо и когда ест, громко чавкает. А ещё у него огромные передние зубы. Их желтизна напоминает золото ацтеков. Что не говори, самая достойная партия для бесхарактерной особы!

Щеки Летиции вспыхнули пуще прежнего, даже слегка крючковатый нос – и тот покраснел от досады. С моей стороны безучастность – главный порок, относящий мир назад к этапу

⁴ Известный портрет Рафаэля Санти (1483 -1520 гг.) – великого итальянского живописца, графика и архитектора, написанный около 1505-1506 гг. Высокий Ренессанс.

⁵ Картина Альбрехта Дюрера (1471 – 1528 гг.) – немецкого живописца и графика, созданная в 1505 г. Северное Возрождение.

самобытности – нельзя было называть жестом благородства. Но взаимосвязь двух сестёр выглядела крайне интересной, и прерывать столь драматичную сцену я не посмела.

– Не стесняйся! Расскажи Белле, как ты влюбилась в Джеймса Кемелли и в прошлом году отсылала ему письма. Мы так «далеко» живём друг от друга, что ответ так до сих пор и не пришёл.

Издевки Каприс пошатнули в Летиции чашу душевного равновесия. Ее губы задрожали. Она силилась не заплакать, но предательские слезы наполнили выразительные глаза кроткой девушки. В тот момент она выглядела агнцем; невинной жертвой, роль которой бесценна в театре высокой драмы. Каприс тоже менялась на глазах. В ней будто засела тысяча чертей, и те искушали её на истязание сводной сестры.

– Прекрати, безбожница! – кричала Летиция. – Лгунья!

На секунду Каприс отразила циничную улыбку, и её крепкие руки по непонятным причинам затряслись.

– Или поведай, как своровала снимок Джеймса и лобзала его под одеялом!

– Каприс, хватит! – вмешалась я. – Сестрам подобает жить в мире и согласии.

Каприс метнула укоризненный взгляд: он красноречиво обвинял меня в измене. Сотрясаясь всем телом, она направилась к дому Медичи и лишь изредка оборачивалась, чтобы снова бросить свой гневный взор.

Летиция выглядела потерянной и старалась не встречаться со мной глазами. Она тихо сказала:

– Извини, Белла... Я лучше пойду.

3

Я крайне озадачилась перепалкой сестёр. Они были несколько старше меня, и тот возраст требовал знаний правил этикета, а также навыков применения их при посторонних людях. Но вместо этого они вели себя вопиюще; словно невоспитанные дети, не сумевшие поделить игрушку, которой по сути являлся Джеймс Кемелли – человек, чьё общество Агостина Медичи и тетюшка Адалия совершенно отказывались воспринимать. Я посчитала разумным забыть ту неловкую историю, и, впрочем, мне бы то удалось, если бы не вечер того же дня.

Погода воцарилась приветливая, и, не смотря на умеренный жар прогретого воздуха плантаций, внутри дома Гвидиче витала легкая прохлада. Обстановку в нём нельзя было назвать богатой – тетюшка не заостряла внимания на качестве мебели, отдавая предпочтение искусству выгодной расстановки предметов и умению вписать в интерьер декоративную вещицу. Ранее её навязчиво преследовало желание тратить итальянские лиры, но после кончины супруга тетюшка Адалия потеряла тягу к расточительству. Плантация требовала небольших затрат и полного контроля, и она понимала это. Однако, при всей своей приобретенной бережливости она не могла устоять перед шикарными обедами, которые давала чаще соседей и совершенно не скупилась на изыски в блюдах. Потому на столе всегда присутствовали сорта элитных вин, поркетта и свежая чамбелла⁶. Она старалась компенсировать расходы, экономя на одежде, и объясняла свой сдержанный вкус нежеланием выражаться при статусе вдовы. Ее скудный гардероб прятал в себе длинные юбки и платья, преимущественно недорогих материй, и подобные стилю рубашки, и очень редко, на праздник она снисходила до кринолина.

Не изменяя твердым манерам, в тот вечер тётя спустилась в скромном длинном платье грязно коричневого цвета. Семья Гвидиче толпилась у накрытого стола, ожидая последнего гостя, о котором я не ведала. На сей раз Медичи не пришли, и оставалось только догадываться, что могло послужить причиной.

– Снова он опаздывает, – ворчал дядя Джузеппе, успев изрядно проголодаться, – на месте его отца я бы внушительно потолковал с ним о манерах.

Дядя Джузеппе нахмурился. Созерцая высокий лоб с ярко выраженными буграми и несуровно вздернутый нос дяди, навряд ли со стороны его сочли бы представителем древнего итальянского рода. Он больше походил на северного скандинава или англичанина. Хотя ростом он был невысок, но в широких плечах его таилась небывалая мужественность. Чернявые прямые волосы, укороченные по старинке, и тёмную густую бороду разбавляла запоздалая седина.

В его светлых суетливых глазах я заметила иссякнувшее в конце терпение, и дядя принялся мерить шагами комнату вдоль расставленных стульев. Тереза, сверкая белыми зубами, порхала из столовой с горячими блюдами, лишний раз улучая момент приобнять меня или поцеловать в макушку. Тётя Адалия тоже нервничала, но виду не подавала. Антонио и Доротея сдержанно поджидали за столом, то и дело поглядывая на часы.

Мы обождали ещё пятнадцать минут.

– До чего же невоспитанный, – сердито отозвалась тётя Адалия, – точно вырос в диких джунглях! В конце концов всему есть предел! Время ужина было оговорено, может он и вовсе не придёт... Давайте приступим к трапезе. Да благословит Господь пищу нашу насущную.

Она прочла короткую молитву, в обязательном порядке читаемую до вкушения пищи. Во время прочтения вся семья склонила головы, соединив ладони вместе, и с прилежанием слушала искренние речи тёти. Когда настало время перекреститься, завершая священный ритуал, в дверь позвонили, и Тереза ринулась открывать.

⁶ Вид итальянской выпечки.

Молодой гость, стоящий на пороге, выглядел не старше тридцати лет и бросался в глаза одеянием неместного стиля и пошива: тёмный куртка, светлые брюки и шёлковый жилет облагораживали подтянутый силуэт. Войдя, он небрежно снял шляпу с короткими полями и, передав её Терезе, любезно поздоровался. Гвидиче разом встали; дядя Джузеппе и Антонио подали ему руку, а тётушка Адалия изящно поцеловала гостя в обе щеки.

– Caro⁷, как я рада! Вознесём хвалу небесам за такого чудесного гостя!

С интересом глядела я на обряд радушного приветствия, и сперва он показался очень милым. Враждебность тёти в отношении гостя улетучилась. Она держалась обходительно, не давая повода заподозрить, какое презрение терзает её душу при одном упоминании о нём.

Гость снисходительно улыбнулся. Тётушка пригласила его занять свободное место справа от неё, и мы приступили к ужину в напряжённой атмосфере. Горячие блюда сменились холодными закусками, и тогда завязалась странная беседа.

– Благодарю, – без экспансивности сказал гость, – ужин был отменным.

Он улыбнулся. Трудно подобрать слова, могущие донести читателю меткие представления, что представляла из себя та улыбка. Она состояла из превосходства и назидания, но в то же время считалась бы милой, не присутствуя в серо-голубых глазах блеск, унижающий достоинство. И что самое неприятное: при взгляде на неё чувствуешь себя абсолютным глупцом. Однако, тетюшка не смутилась его улыбкой, всем своим видом показывая, что скудный комплимент гостя пришелся ей по душе. Она расцвела, обнажая в бледных глазах искру девичьего задора.

– Caro, ты же знаешь, я не люблю хвалу! – тётушка Адалия провела рукой по серым волосам. – Святая обязанность женщины уметь порадовать мужчину вкусным яством.

Я поняла, что её ответ был отнюдь небескорыстным. Непонятно откуда возникшая скромность указывала на то, что тётя не восполнила утробы тщеславия и нарывалась на очередную похвалу. Но гость оказался скуп на доброе слово.

– Так женщины созданы, чтоб удовлетворять желания мужчин? – высокомерно сказал он. – Звучит примитивно.

Тётя Адалия заметно смутилась.

– Разумеется нет!

– Но вы утверждаете обратное. И на том настаивает Библия, ведая о сотворении сперва Адама и только потом Евы.

Вмешался дядя Джузеппе.

– Сынок, подобные разговоры портят ужин...

– Я его не начинал, – спокойно продолжал гость, не убирая усмешку с лица, – я всего навсего сказал, что ужин был отменным, без намёка на вытекающие.

Все как-то приметно оживились, в особенности Антонио поменялся в лице. Благородный нос через широкие ноздри шумно выдыхал воздух. Черные глаза блестели, создавая своим блеском конкуренцию густой копне выющихся до плеч волос. Доротея медленно пережёвывала мясо, смотря то на гостя, то на тётю, и выглядела шаблоном необычайной женственности – ей хотелось подражать. Она располагала к себе не только красотой и округлыми формами, правильно подчеркнутыми шелковым смарагдовым платьем – в её характере утвердились покладистость и манеры, достойные светского общества, что, на мой взгляд, и завоевало сердце Антонио. Сам же итальянец по натуре прослыл неуступчивым и вспыльчивым человеком.

Его разозлила прямолинейность дерзкого гостя. Обращаясь к нему, Антонио взял голосом высокую тональность.

– В Италии права женщин близко приравнены к правам мужчин. А ваши слова – дискриминация!

⁷ Дорогой (итал.).

Каждое выдвинутое слово он гневно цедил сквозь зубы и всё сильнее сжимал в руке вилку. Было удивительно наблюдать, как в присутствии матери Антонио впервые встрял в разговор. Такое поведение расценивалось, как непристойное, но он уже не думал о том.

Усмехнувшись, гость воззрел на Антонио с отвращенным презрением.

– Полагаю, именно в условиях полного равенства ваша жена целый вечер молчит... – сухо ответил он. – А что касается ранее затронутой темы, то я говорю не конкретно о правах, скорее о смысле человеческой жизни.

Тётушка Адалия стала темнее тучи. Назревающие распри портили святость ужина, но горячность итальянского народа была ни с чем несравнима! Причём удивляла не только чрезмерная эмоциональность, но и построение самой беседы. С ранних детских лет меня воспитывал дядя Джузеппе на юге Исландии, что способствовало формированию иного взгляда на ведение диалога. Но нельзя не восхищаться столь рьяной демонстрацией чувств! В тот момент они виделись воинами на битве, где повышенные тона и крик использовались, как верный способ уstrasшить соперника и заставить его обратиться в бегство.

– Да что ты знаешь о смысле человеческой жизни? – Антонио подскочил, бросая вилку на стол.

Я и Доротея встрепенились от неожиданности, но гость оставался спокойным.

– Нельзя знать наверняка, – мирно рассуждал он. – Можно располагать мнением и свято верить в его подлинность. Но нет точного мерила, дабы превратить мысли в неизменное заключение.

Широкая улыбка гостя стала более приторной. Смотреть на неё было невыносимо! Дядя Джузеппе нахмурил лоб. Характер у него был мягкий и терпеливый, но подобные выходки стерпеть было невозможно.

– Хватит с меня неуважения, юноша! – грозно проговорил дядя, вставая из-за стола. – Наша семья гостеприимна, но таким гостям мы больше не рады.

Гость посерьезнел.

– Вы правы. Подобные вечера – пустая трата времени. Чао!

Он встал, отвесив небрежный и скудный поклон головой, взял шляпу и поспешно удался. Когда дверь хлопнула, тётушка до смерти побелела.

– Мама, вам плохо? – вскричал Антонио.

Он живо подскочил к матери; следом бросилась Доротея, участливо взяв её за руку, затем – дядя Джузеппе. Тётя тяжело поверхностно дышала.

– Белла, скорее принеси воды! – скомандовал Антонио.

Я быстро исполнила просьбу, и следом за мной с кухни выскочила перепуганная Тереза. Крупные глаза её были на выкате.

– Ада, что с тобой?!

Тетя Адалия не могла говорить. Пересохшие губы слегка дрожали. Она устало бегала опечаленными глазами по столу. Антонио припал губами к чахлой руке матери, и в его черных неистовых глазах отражались страх и подлинное волнение. Доротея поднесла стакан воды к устам тети, но она только открывала рот, как рыба, не сделав ни глотка.

– Расступитесь! – приказал дядя Джузеппе.

Он подхватил тетю Адалию на руки и унес наверх. Антонио пустился следом, переступая по три ступени лестницы. Доротея захватила с кухни холодной воды и тоже поднялась. Пока Тереза справилась за врачом, я металась из угла в угол в гостиной. Вся эта суматоха случилась так внезапно, что времени размышлять над случаем не было. Я была охвачена паническим переживанием за тетю. Она обладала крепким здоровьем, болела редко, да и то простудой в лёгкой форме. Но, учитывая преклонность её лет, всякое могло случиться.

Прошло несколько часов; врач ушёл, и я поднялась к тётушке в спальню. Накрытая тонкой простыней она отдыхала на кровати, а её неподвижные руки лежали по швам. Печальные

серые глаза были открыты, устало и медленно моргая. Чопорность изрядно въелась в её бледное, точно снег, лицо.

– Тётушка, я вас не потревожу?

– Входи, – чуть слышно ответила она, – мне уже лучше.

Разговор с тётей всегда давался мне нелегко. Я тщательно подбирала слова, боясь сказать лишнего и заслужить её немилость. А в тот вечер к тому же не хотелось навредить её состоянию.

– Вы нас так напугали... – осторожно сказала я.

– В моем возрасте возможно и не такое, caro! Агостина предупреждала, что позвать его сюда будет нелепой ошибкой. Видит пресвятая Мадонна, я так старалась угодить ему!

По щекам тёти Адалии заструились слезы. Она осушила их простыней, но они текли снова и снова. Поднимаясь к ней, я не собиралась затрагивать имя неизвестного гостя, чтобы не вызвать новое волнение. Но тётя заговорила о нем первой, и потому я нашла в себе смелость осведомиться, кем был тот человек, что приходил на ужин. Отвечая, тётя отреченно уставилась в сторону.

– Если кто-нибудь в жизни видел в лицо зло, то непременно скажет, что этим злом был Джеймс Кемелли!

Описав события того сентябрьского дня, пожалуй, следовало бы поставить точку в тайне дьявольского прозвища. Вполне ясно, откуда берут корни ненавистные кривотолки. Хотя, увидев Джеймса Кемелли таким, каким он сидел за столом, во мне поселилось разочарование. Ведь я искренне поддалась фантазии, воображая на его месте редкостного красавца, покори-теля сердец посредством обаятельных жестов и мимики.

Но Джеймс Кемелли был отнюдь не таким. Я не созерцала в нём невероятного обаяния, красивых глаз или необычайной выправки. У него был длинный острый нос, прямой, как линейка. Русые пушистые волосы слегка кучерявились возле лба и темени, а на висках они были короче и прямее. Глаза неузкие, некрупные, ясные и внушительные. Выбритый подбородок не смотрелся выбритым: темные вкрапления выглядели из-под светлой матовой кожи. Фигура высокая, жилистая в меру, в меру упитанная. С виду он производил впечатление заурядного адвоката или поверенного в дела зажиточного сэра. Тогда я начала сомневаться, что Джеймс Кемелли вообще кому либо может понравиться. Но дальнейшее развитие событий в доме Гвидиче опровергло мои домыслы.

Прежде, чем изложить ту странную роковую историю, предлагаю вернуться в день неудачного ужина. Я любила размышлять, когда никто не мешал; когда чудесная тишина – главный союзник, а голову не засоряет бремя посторонних мыслей. С той целью я вышла на улицу во двор. Кровавый закат терялся в тропах обихоженной плантации, бросая последние лучи солнечной благодати, как прощальные объятия, а размазанные по небу облака светились тёмным золотом. Подвязанные кусты винограда, все как один – brave солдаты одной шеренги, еле слышно перешептывались листьями. На изумрудных холмах скатертью стелилась ровная, душистая трава; а кустарники и низкорослые деревья, завершая южный этюд, украшали шапками покатые поверхности полей.

Природное величие Италии несравнимо ни с чем! Божественное благословение пролилось на землю богатством холмов, историческими руинами, непревзойденными фонтанами, виллами и бесподобными соборами. Их живая завораживающая красота впитывается душой зрителя и оставляет в ней восторженную благодарность неземной силе за создание неподражаемого благолепия. Не зря именно здесь зародились величайшие гении всех времен, а также многие направления искусства и литературы. Эта невероятная тонкая чувственность природы вдохновляла!

Восхищаясь олицетворением элизиума на земле, я села на лавку у деревянной изгороди. Но чей-то безмятежный голос не дал мне всласть узреть щедроты уходящего дня в безмолвии.

– Ваше волнение только усугубляет вашу проблему.

Я повернула голову в сторону голоса. В шаге находился Джеймс Кемелли, который, должно быть, увидел меня с веранды соседнего дома Кемелли, и бесшумно подошёл.

– О чём вы говорите? – сконфуженно спросила я.

– О вашей ноге. Вы сильно волочите её, когда идёте. И чем больше вы хотите скрыть уродство, делая упор на другую, тем оно становится куда более явным.

Я густо покраснела. Люди, догадывающиеся о моей хромоте, с которой родилась, старались всячески меня жалеть. Та жалость, скорее всего, поднималась из недра более высоких чувств, и большая часть планеты считает сопереживание проявлением сердоболия и высокой нравственности. Но я мало верила жалости, ибо все известные мне случаи сострадания служат ярким примером бесчестности этих людей перед обществом и самими собой. Вместо того, чтобы оказать надлежащую помощь, люди страдают издалека, в мыслях; словом, но не делом.

Мне не пришло в голову ничего, что могло бы послужить достойным ответом его дерзости. А Джеймс Кемелли присел на другой конец лавки и продолжил.

– Подобное волнение и пристрастие к мелочам мешают жить полноценно. Чего стоят жизнь и людское мнение? Абсолютно ничего!

– По-вашему, лучше ходить бесчувственным грубияном и плевать людям в души?

Джеймс усмехнулся.

– Пожалуй, вы намекаете на меня. Я не плюю в душу. Я произношу речь, а общество расценивает её так, как выгодно обществу. Это человеческие мнения, и они переменчивы. Сегодня вы лорд, завтра – нищий. Добро и зло – понятия относительные.

В кой-то степени я была согласна с Джеймсом Кемелли. Порой, увлекаясь чтением газеты «Churchill», мне часто попадаются строчки читательской критики, и чаще всего она порочащая. Это наталкивало на мысль о людской зависти. Вместо того, чтобы с наслаждением принимать труды Андреа Лессо – известного философа итальянской современности, раскрывающего истину за истину в журнале «Il profeta» – читатели закрывают глаза на их тонкость и мудрость, ища недостатки. И то выходит у них, не скажу что без труда, но всё же выходит. Казалось, они нетерпеливо ждут выхода свежей статьи философа, чтобы вновь пролить на неё свет невежества неучливой рецензией.

Но я не могла ни возразить Джеймсу Кемелли, считая своим долгом отстоять права человечества перед лицом предвзятости.

– Вздор! Очевидно, вы плаваете на поверхности.

– Не спорю, а вы слишком глубоко мыслите, – улыбаясь, Джеймс проникновенно взглянул на меня. – Как по-вашему, Микеланджело был хорошим человеком?

– Разве я могу судить Микеланджело? Где я, и где он? Он выдающийся гений! Ему не было равных в искусстве скульпторы, и по сей день его место на пьедестале никому не удалось занять.

– Безусловно, искусство его красит, как и он искусство. Но красят ли его методы достижения апогея? Всем известно, что Микеланджело делал скульптуры людей, причём точность деталей тела доведена до совершенства. Но это стало возможным благодаря работы с мертвыми телами. Прежде, чем возводить скульптуру, он дотошно капался в трупах, тем самым оскверняя память об усопших.

– Микеланджело – победитель, над победителями суд не вершат, – немного помолчав, я прибавила. – Стало быть, вы считаете его посредственным?

– Я не думал об этом в буквальном смысле. Вас занимают мнения, меня – только противоречия.

Он замолчал. В ту минуту я не видела в нём отродья тартара, образ которого так сильно прилип к Джеймсу Кемелли. Он походил на увлеченного мыслителя, затерявшегося в поисках

ответов на бесконечные вопросы. Намереваясь изменить течение разговора на инцидент в доме Гвидиче, я рассуждала бесцеремонно.

– Итак, вам безразличны люди, мнения, добро и зло. Тогда зачем вы явились на ужин, куда идти не желали?

Джеймс пристально поглядел вдаль.

– Увы, помимо личных желаний есть *сила*, над которой пока я не властен.

– И что это за сила?

Лицо Джеймса исказилось – ему стал неприятен разговор. Вставая в полный рост, он отреченно сказал.

– Желаю, чтоб этой ночью вы спали. Без чувств и мыслей.

– Ничего ужасней я не слышала! Разве в Лондоне не принято желать доброй ночи? Или вам в тягость соблюдать даже эту малость?

– Добро и зло – понятия относительные...

Не глядя мне в глаза, он приподнял поля шляпы и поспешно удалился.

4

Два дня не видела я Джеймса Кемелли и семью Медичи. Погода ухудшилась. Тучи затянули небо, и назревал дождь. Ненастье сказывалось на моей хромой ноге, потому я долго не могла предаться забвению. В доме воцарилась тишина – спали все, кроме меня. Не сумев победить бессонницу, во второй половине ночи я спустилась на веранду. Воздух был свежим и теплым. Ночь возлежала на холмах, и лишь тусклые уличные фонари выполняли роль посланников дневного света, не отдавая землю царству тьмы. Мой взгляд жадно блуждал по плантации. Чинные виноградники сонно дремали, и среди подвязанных кустов показалась большая тень. Я взглядела в полумрак и поняла, что тень – человеческая. Легким парением она скользила от ряда к ряду кустов и периодически оборачивалась назад. Моё тело бросило в жар, и первой идеей, пришедшей в голову, было разбудить дядю Джузеппе, чтобы тот задержал вора. Но опасность миновала нашу плантацию, поскольку тень метнулась к дому Кемелли и, остановившись, стала озираться по сторонам. По чёрному длинному одеянию – строгому платью – я поняла, что это женщина. Лица было не разглядеть: до самых глаз она прикрывалась чем-то похожим на чадру. Убедившись в отсутствии людей, она повернулась к дому и тотчас исчезла на темной веранде.

Я была обескуражена. Кому понадобилось ночью идти в дом того, чьё имя не произносят вслух? Сперва возникло предположение, что это могла быть Тереза. Но она не стала бы прятаться, да и фигуру Терезы ни с чем не перепутаешь. Потому эта версия была опровергнута, и тогда вспомнилось, что в доме живёт Уильям Кемелли, которого я ещё не лицезрела. Будучи вдовцом, он вполне мог обзавестись любовницей. В догадках я вернулась в спальню.

На следующий день мы завтракали у Медичи. Глава семьи, Адриано Медичи – человек неприметного роста с густыми смоляными усами, хитрым взором и слишком шумный, говорил, не переставая, и благодаря этому составил прекрасную партию дядюшке Джузеппе. Дети Антонио, похожие на него от темных волос до кончика носа, вели себя неприлично: носились по дому, кричали и хватали грязными руками со стола мягкие булочки. Старшины семейств глядели на них снисходительно, а Доротея, преисполненная спокойствием, терпеливо улыбалась при взгляде на них. Признаться, более тихой и смиренной жены здесь я не встречала!

Каприс, на удивление, была молчаливой и более дерганной, чем обычно. Её руки дрожали, что сильно бросалось в глаза. Она вертела в руках салфетку, затем поочередно столовые приборы, и то и дело поправляла лёгкий палантин на шее. К чему она укуталась в него – было непонятно. Солнце разогрело с утра, и духота неумолимо изнуряла без дополнительного слоя одежды. За столом не сидела Летиция, и я осведомилась у Каприс, где она.

– Ей не здоровится. К обеду будет.

Разговаривать Каприс была не настроена.

После завтрака, когда мужчины уединились, закуривая самокрутки, а женщины и дети отправились вдохнуть травяной воздух плантации, я решила провести Летицию.

Трехэтажный дом Медичи мало чем отличался от дома Гвидиче. Белые потолки были высокими, точно куполом давя на плечи, а выбеленные стены добавляли просторным комнатам света. Здесь также присутствовали изыски декора, помпезные вазы, репродукции картин эпохи Возрождения и всякая подобная мелочь, способная внести уют в серость стен.

Комната Летиции располагалась на втором этаже. Окна выходили во двор, тесно граничащий с верандой дома Кемелли. Я постучала, но никто не ответил, и я повторилась. Затем тихий, слегка хриловатый голос разрешил мне войти. Я отворила дверь и увидела, как Летиция лежала на кровати ничком в подушку; руки вцепились в неё безжалостной хваткой. Белокурые непричесанные волосы небрежно прикрывали плечи, а согнутые ноги скрадывала длинная сорочка.

– Ты заболела, Летти?

Ответом мне послужили громкие внезапные рыдания. Недоумевая, я подскочила к ней и пала на колени.

– Что с тобой?

– Я ненавижу её! Она специально это сделала!

– О ком ты? И что она сделала?

Летиция зарыдала ещё хлеще, стискивая подушку пальцами. Я была растеряна. Моя склонность к состраданию никуда не годилась, но в тот момент я искренне прониклась к Летиции и стала гладить её по волосам, понимая, что ей необходимо время успокоиться. Я выжидала. Рыдания не прекращались несколько минут, после чего Летиция присела и повернулась ко мне лицом. Её стройное тело как прежде передергивали нервные всхлипывания – некогда уравновешенная девушка больше не выглядела таковой. Опухшие от слёз веки демонстрировали фиолетовые прожилки, благодаря которым красные узкие глаза заимели лихорадочный вид, а круги под ними напоминали тёмные колодцы. В ту минуту никто б не нашёл в ней сходства с шедевром Рафаэля. Она страдала поистине нечеловеческой болью.

– Каприс уничтожила меня, – жалобно лепетала Летиция. – Прошлую ночь она провела с ним!

Я вспыхнула щеками, сознавая, что обсуждение переходит дозволенные границы и перетекает в устье тайных отношений между женщиной и мужчиной, которые ранее ни с кем не затрагивала. Но я взяла себя в руки.

– С кем с ним?

– С Джеймсом Кемелли конечно!

Она продолжала всхлипывать, уронив взор на руки, перебирающие подол сорочки. Вероятно, окровавленные подробности тоже вгоняли её в краску, но её лицо и без того пылало красными пятнами, чтобы выдавать стыд. Она говорила ломанным срывающимся голосом, и каждое изречение заставляло её свежую рану на сердце кровоточить.

– Не может быть! – успокаивала я. – Каприс верно пошутила или намерена тебя подразнить.

– Нет! Вчера она отправила ему письмо, предлагая встречу, но не простую встречу...

Измученные слезами глаза Летиции переполняла соленая влага.

– Откуда тебе известно о письме?

– Она хвасталась, что написала Джеймсу, а затем дала почитать его ответ.

Летиция подняла подушку и протянула мне конверт, весь помятый и влажный от слез. Я взглянула ей в глаза, выражая сомнение и нерешительность. Читать чужие письма – дурной тон, но любопытство затуманивало рассудок. Мне представилось, там обнаружится хоть малая доля романтизма, которую, возможно, Джеймс Кемелли прячет от посторонних глаз, не желая растрачиваться попусту, чтобы потом с чувством выполненного долга купать возлюбленную в море томительных страстей. Эта мысль подкупила меня, и я, вскрыв конверт, прочла.

«В полночь приходи на веранду. Я спущусь.

Джеймс Кемелли. »

Не обнаружив любовного признания, я испытала искреннее разочарование.

– Теперь ты убедилась?! – Летиция снова залилась слезами. – Боже! Как мне это пережить?!

В письме и не пахло чуткой романтикой, которую я жаждала там отыскать. Но оно даровало мне способ утешить Летицию, ибо ранее не знала, как это лучше сделать.

– Так ведь здесь нет ничего такого, что указывало бы на его любовь к Каприс или на то, о чем подозреваешь ты. Смею предположить, они всего лишь совершили прогулку вместе.

– Нет, Белла! Я застала её в спальне. Она одела чёрное платье и спустилась во двор, а вернулась только на рассвете. Эту злосчастную ночь они провели вместе!

Рыдая с новой силой, Летиция бросилась лицом в подушку. Я изумилась, начиная понимать, что тень женщины, увиденная мной ночью, принадлежала Каприс, и, как выяснилось, любовницей обзавелся не Уильям Кемелли, а его сын...

При всем своем изрядном потрясении, вызванном не благородными поступками Джеймса, полного интереса к нему я не потеряла. Мне хотелось разобраться, что обе сестры разглядели в нём такого, что ускользнуло от моих глаз? И почему Каприс скрывала шею за материей палантина?

5

Вечером мы прогуливались на холмах. Угнетающая духота парила над землёй, создавая климат пустынного зноя. Тётя Адалия полностью оправилась от того неприятного ужина и неустанно чирикала бог весть о чём с Агостиной Медичи. Они шли быстрым шагом, словно торопились навстречу заветным мечтам, и ввиду своей хромоты я не поспевала за ними. Бросив затею их догнать, я живо вертела головой, осматривая усадьбу. На безоблачном небе догуливало заходящее солнце, укутываясь в рубиновые оттенки, а холмистые поляны, ковром бегающие от горизонта к плантациям, неистово радовали взор.

Меня ослепляло упоение Италией! На её бесконечных холмах; узких улочках города; в шумной суете Рима, забывшей о революциях и войнах, так долго терзающих угнетенный народ, я чувствовала себя чужестранкой. И в то же время переживала безудержную любовь к Италии, зная, что в моей крови течёт спокойствие итальянских вершин и буйство горных рек; зная, что именно Италия – моя единственная Родина и Родина всех тех, кто был мне дорог; зная, что нигде не обрету большего покоя, чем на землях плантаций, дарующих щедрые плоды возделанных почв. Та любовь жила в самых отдаленных уголках моей хладнокровной души, и всякий раз, возвращаясь сюда, она, точно Христово воскресение, поднималась всё выше и дарила мне радость и успокоение.

Опьяненная тем чувством, я не сразу различила позади себя топот скачущей лошади, а, когда всё же ясность вернулась к мыслям – я оглянулась и увидела Джеймса Кемелли. Стегая лошадь, он стремительно направлялся ко мне.

– Вы не силитесь скрывать хромоту, – мягко отозвался он, приблизившись, – так намного лучше!

Меня злило повышенное внимание к моему увечью. Было бы куда полезней, если б о нем не забывали Агостина и тётя Адалия, тогда бы не плелась я позади и сумела избежать того разговора. Пожалуй, Кемелли был единственным человеком, которого занимали чужие беды.

– С вашей стороны весьма странно заметить это и *не* заметить противоречия самому себе, – с улыбкой съязвила я.

Приторное лицо Джеймса выдавало заинтересованность. Он благородно сдерживал поводья, пока лошадь резво перебирала копытами, шагая вперед-назад.

– Продолжайте.

– Вы утверждали недавно, что не видите смысла в мелочах. А сами только и делаете, что ищите их в окружающем мире.

– Ничего подобного. Я попросту положил начало беседе, которая не имела бы и минуты развития, скажи я о чудесной погоде вместо вашей хромой ноги.

Слегка обескураженная речью, я замолчала. Джеймс спрыгнул с седла и взял поводья в руки. Мне вспомнились ярые возмущения Терезы в адрес лошади. Это был вороной конь фризской породы, достойный восхищения. Струясь черным гладким шелком, ровная шерстка отливала на солнце блеском, а густая волнистая грива и такой же густоты смоляной хвост едва не касались земли. Он был бесподобен! Если не считать бельма на чёрном глазу.

– Не хотите прокатиться?

– Как вы себе это представляете? Мне порой ходить сложно, не то что скакать верхом на лошади.

Джеймс издал незначительный тихий смешок.

– Леонардо да Винчи страдал дислексией, но это не помешало ему написать «Джоконду».

Размышляя над словами Джеймса, я посмотрела вперед, где за ближайшим холмом почти скрылись тётя Адалия и синьора Агостина. Мной обуревало желание воспользоваться предло-

жением Кемелли, но угадывая, как отнесутся обе семьи к моей дружбе с отродьем преисподней, не говоря уже о Летиции, изнемогающей от любви к Джеймсу, я сочла нужным отказать своим желаниям.

– Наверно, вы назовёте меня безвольной, но я не Леонардо да Винчи...

Уголки его бескровного рта медленно поползли вверх: отвратительная гримаса насмешки на лице Джеймса Кемелли несопоставима ни с чем!

– Очень зря, – сказал он и, подскочив на лошадь, вскоре затерялся за горизонтом.

Я вспомнила о Каприс. Её демонстративное рвение насолить сестре пугало жестокостью проявления. Она обходилась с Летицией, как сварливая вредная хозяйка, не желающая считаться с правами прислуги. В ней не было никакой тяги к искусству, наукам или поэзии, которая практически всем прививалась с детства. Отсутствовало в ней и стремление к независимости положения. Совсем наоборот – она томилась ожиданием момента, когда какой-нибудь иностранный франт попросит её руки, и она с головой окунется в почётные круги светского общества, начнёт устраивать званые обеды. Стараясь убедить всех вокруг какой-то достопочтенной и заботливой матерью станет, она с экспансивностью няни кидалась к детям Доротеи. Но, видя, как те обременены её присутствием, заливалась от досады пунцовой краской.

– Как же дурно воспитаны эти детёныши! – негодовала Каприс на Лукрецию и Орландо. – Лишены усидчивости и хороших манер. И кому они будут нужны при таком воспитании?

Она забывала, что сама росла вздорной бесшабашной девицей, и мало что изменилось по достижении совершеннолетия. Она всегда старалась привлечь к себе внимание окружения, кипит от ревностного самолюбия, когда внимания удостаивали Летицию, которая отнюдь – была целомудренной и застенчивой девушкой; и вспышки гнева, не свойственные её нраву, отражали степень небывалых чувств к Джеймсу Кемелли. Возможно, это была первая невинная любовь, ради которой часто подумывают расстаться с жизнью, но спустя годы подобные мысли выглядят смехотворными и детскими. Я полагала, что вскоре Летицию отпустят чары духовной любви... Меня мучил вопрос, почему Джеймс не отвечал Летиции взаимностью или на худой конец не подарил ей один из своих холодных ответов в коротком письме? Почему написал Каприс, если со стороны Летиция располагала большими достоинствами? Мужские начала также темны для женских, как яркий солнечный свет для незрячего путника. Их зарево ощутимо, но непредсказуемо, их можно принять, но не постичь силой женского представления.

Однако, ещё большей интригой веяло от поведения Каприс за столом у Медичи. Она была сама не своя, закрывая на тысячу замков некую тайну, известную только ей, и тот страх, что о тайне прознают все на свете, испепелял её существо. Она не снимала палантин ни дома, ни на улице, когда выходила на прогулки. Мои домыслы становились один кошмарнее другого, но правда оказалась страшнее моих предположений...

6

Со второй половины дня и до позднего вечера семья Гвидиче собирала виноград на плантации. Закончив полевые работы, я расположилась с Терезой на веранде. Теплый день подходил к завершению, и отсутствие духоты приносило наслаждение.

– А ты давно служишь дому Кемелли? – спросила я Терезу, которая отбирала виноград на выделку вина.

– Давно, саго. Я помню Джеймса ещё мальчишкой, – Тереза мечтательно обнажила зубы. – Он был озорным и непослушным. Тянул у отца табак из табакерки, всё ломал и топтал палисадники. Я всегда говорила, Уильям был слишком строг с ним, вот Джеймс и стал таким, каким его свет видит. Ты уже слышала, как Джеймс играет на скрипке?

– Нет, а он играет?

Тереза издала удивленный возглас восхищения.

– Ничего подобного мои уши никогда не слышали! Он делает это утром, на рассвете, когда синьор Уильям уезжает по делам.

– Но почему? Отец против музыки?

– Разумеется. Уильям – почитаемый адвокат в Лондоне, считает, что заниматься такой чепухой ему не по статусу. К тому же он готовится передать дела сыну, потому Джеймс работает в его прославленной конторе начинающим адвокатом. Как мне кажется, там у моего бедного мальчика ничего не клеится.

– С чего ты взяла?

– Уильям недоволен им, – Тереза поджала наливные губы. – Бедный мальчишка! Ах, как бесподобно он владеет скрипкой!

Изумленная до крайности, я вовлеклась в думы. По натуре своей Джеймс Кемелли был бесчувственным и грубым, тогда как в музыке без патетичности чувств не обойтись. Мне было трудно представить его в роли сентиментальности, зато он располагал всеми необходимыми умениями для практики адвоката, учитывая, как авторитарно он способен опровергать и запутать человека даже в собственном мнении.

Услышав об Уильяме Кемелли, особенно о характерной для него строгости, мне не терпелось посмотреть на него своими глазами. Вскоре та встреча состоялась, причём в нелепой порочащей обстановке. Но сперва хочу вернуться несколькими часами позже после разговора с Терезой.

Гуляя перед сном на холме в одиночку, я увидела Летицию и вздумала её нагнать. Сделать это оказалось не просто. Я окликала её, но Летиция шла и шла, всё быстрее, спотыкаясь на ровной тропинке и едва не падая.

– Летиция, подожди!

Мне пришлось приложить великие усилия, чтобы сократить расстояние между нами. Когда я всё же поравнялась с ней – облик Летиции меня поразил. Её бледное, без кровинки лицо рисовало непобедимый испуг, и в глазах пробежала та же тень несокрушимого страха.

– Что с тобой? Ты больна?

– Белла, это ужасно! Я не знаю, как теперь жить... Я безжалостно растоптана! Мне хочется умереть!

– Но что случилось? – растерялась я.

Летицию покачнуло в сторону. Я схватила ее за плечо, уберегая от падения.

– Пойдём, я отведу тебя домой.

– Нет! – вскричала Летиция, – только не домой! Давай останемся здесь!

Растерянность моя набирала обороты.

– Ну хорошо, давай присядем. Ты едва на ногах стоишь!

Я помогла ей аккуратно сесть на траву, расправляя подол её скромной юбки, и села рядом. Ладони Летиции были мертвецки холодными.

– Не знаю, как можно рассказать о таком... Но Каприс рассказала, причём во всех уни- зительных подробностях!

Предположение, что речь пойдет о Джеймсе, оказалось пророческим. Стараясь дер- жаться покойной, я спросила.

– Может, тогда и не стоит рассказывать? Забудь об этом.

– Нет, я не могу держать всё в себе! – Летиция помолчала минуту-другую, пока я глазами бегала по её мраморному умалишенному лицу, она смотрела вниз. – Он истязал её той ночью... Она прикрывает шею платком, чтобы родители не догадались!

Я обомлела и некоторое время сидела неподвижно, глядя перед собой. Зарожденные мысли имели слишком расплывчатые догадки случившегося. Возжелав развеять чёрный туман кошмарных картин, я совладала с собой.

– Что значит истязал? Он её избил?

– Не совсем так... – голос Летиции задрожал, а в глазах появилось отчаяние. – Он делал это во время...

Летиция не сумела договорить и, закрыв багровое от стыда лицо трясущимися руками, горько заплакала.

– Он настоящее чудовище! – во весь голос рыдала она.

– Ну а ты-то чего плачешь? – нелепый вопрос вырвался из моей груди немедленно, но ни капли не сконфузил её.

– Потому что я всё равно его люблю!

7

Откровенный рассказ Летиции привел меня в исступление. Безудержные гнев и возмущение полностью затуманили рассудок, и несмотря на юность лет и прилежное воспитание я не старалась скрыть своих чувств. Понимая, что репутации Каприс и Летиции безвозвратно запятнаны, я видела своим долгом восстановить справедливость, будто бы разоблачение Джеймса помогло бы отмыть их честь от скверны. Потеряв контроль, я не заботилась, что подумает обо мне семья Гвидиче, увидев, как стучу в дом Кемелли; не помышляла, что скажет сама Летиция, прознав о визите к её возлюбленному; а уж тем более не думала, как расценит вторжение сам Джеймс. Стучала я с такой силой, что, пожалуй, нехотя задумаешься о катастрофе, настигнувшей мир. Дверь отворилась, но не рукой Терезы – для которой была уготована речь: «Где этот мерзавец? Твой милый мальчик, которого растерзать мало!» – а рукой самого Джеймса Кемелли. Он мило безмятежно улыбался.

– Я рад вам, входите!

– Не надо со мной любезничать!

Кемелли вкрадчиво оглядел меня, но лояльная улыбка не исчезла с его бледно-розовых губ.

– Что ж, так даже лучше. Что вам угодно?

– Как вы могли так поступить с Каприс?! – моя интонация звучала утвердительно. – Вы чудовище! К сожалению, я не сумею поколотить вас, но это сможет сделать Адриано Медичи!

Джеймс расхохотался искренним, неподражаемым смехом, точно я выдала отборную шутку. Его хладнокровие уязвляло мою добродетель. Казалось, он был готов к любой атаке.

– Вы ещё совсем дитя, чтобы лезть в это дело.

– Посмотрим, хватит ли вам смелости дерзить, когда всем станет известно, что Джеймс Кемелли сделал с бедной девушкой!

– Как видите, мне-то всё равно, – сухо сказал он, – ибо до сих пор мы беседуем на улице, а не в доме, где никого нет. Но бедным рабам чужого мнения придется отдуваться перед светом благодаря вам.

Он был прав. Разбирательство о непристойном случае на улице могло скомпрометировать нечаянных свидетелей сцены на уродливые сплетни, и я, оттолкнув его рукой, зашла в дом.

В отличие от внутреннего убранства итальянских домиков здесь царила роскошь английских стилей. Я затрудняюсь до конца определить, что это был за стиль. Должно быть колониальный. Но спектр цветов был сдержанным, приглушенным, несколько мрачным, потому в огромных апартаментах присутствовал полумрак, который не имел отношения к вечернему времени суток. Посредине гостиной находился круглый стол из тёмного дерева, а вокруг него расставлены кресла, обитые дорогой тканью, с вычурными ножками. Стол прикрывала кружевная скатерть, где поблескивал чайный сервиз, графин с вином и чистые бокалы, а в вазе благоухали полевые цветы. Начиная лестницей, ведущей на второй этаж, заканчивая входной дверью, на полу возлежал ярко – пурпурный индийский ковёр. Стену украшали художественные работы Рембрандта и Рафаэля Санти, а также массивные часы в духе английских традиций – деликатный вкус хозяина дома явно не знал конкуренции.

Я повернулась лицом к Джеймсу, стараясь вложить в силу взгляда как можно больше устрашающей авторитетности.

– Это омерзительно! То, что вы позволили себе, не должно остаться безнаказанным!

Продолжая ухмыляться, Джеймс направился к столику, налил в бокал красного вина и лениво устроился в кресле.

– Что так смутило вас?

– Вы истязали Каприс!

– Нет.

– Вы её били!

– Нет.

Я начинала терять терпение.

– Она обо всем доложила. Как по-вашему, кому больше веры: вам или ей?

Джеймс отпил глоток вина и, с равнодушной грациозностью перебирая бокал в руке, следил, как красный напиток, точно багровая кровь, медленной волной скользит по хрустальным стенкам. Он отчужденно прищурился, словно в голову наконец проникло осознание того, чем тяготился обремененный разум, и до боли безразличным тоном сказал.

– Смотря, кто возьмется верить.

– Опять вы пытаетесь меня запутать! На этот раз не выйдет!

Джеймс ещё раз приложился к бокалу, а затем, ловко подскочив с кресла, вернул посуду на стол и достал из кармана трубку. Мои жалкие угрозы никак не трогали его – Кемелли оставался безучастным и непринужденным. Набив до отказа трубку, он закурил и размеренным шагом направился к стене, где висели часы.

– Время... – говоря монотонно, он остановился напротив них, слегка запрокинув голову. – Оно коварно, согласитесь? Репутация его сомнительна. Время обвиняют в многочисленных убийствах, но и те самые обвинители забывают, что благодаря определенному времени происходит и рождение, без которого не было бы убийства, – он затянулся трубкой и продолжил на выдохе. – Вы правда считаете, что обсуждать с вами столь взрослые темы будет правильным?

Я покраснела. Летя сломя голову, чтобы восстановить баланс между добром и злом, я была абсолютно не готова вдаваться в подробности, но контекст о времени меня насторожил. Что он хотел этим сказать?

– Если подобные мерзости вы опишите слогом искусного прозаика, мне нечего тут делать, – брезгливо сказала я. – Так что ограничьтесь двумя словами.

Он воздержался несколько секунд, по-прежнему стоя ко мне спиной.

– Я делал лишь то, что хотела она.

– Но ведь на ней следы истязаний!

– Это называется несколько иначе.

Он резко обернулся, лукаво глядя мне в глаза. Беседа была деликатной. Кемелли рассуждал беспристрастно, без амбиций, смущений, а я чувствовала себя крайне неловко и пожалела, что предалась воле исступления.

– Вы полюбили Каприс? – наконец выдавила я, пытаясь сгладить неуютную атмосферу.

– Нет.

– Тогда зачем вы согласились провести с ней ночь?

– Инстинкты. Я вам противен?

– Более чем вы сумели себе представить.

Джеймс хмыкнул, принимаясь медленно мерить комнату шагом исследователя.

– В таком случае, вы презираете не меня, а природу, которая создала меня таким.

– Вы животное! – воскликнула я.

– Пусть так, – он снова приложил трубку к губам.

– Вы не думаете о чувствах других! Неужели вам никогда не бывает гадко от себя самого?

– Нет. Я принимаю всё наяву, а не в призрачной дымке ложной атрибутики. Право, я не знаю о каких чувствах идёт речь! Каприс не любит меня. Она хотела получить удовольствие – она его получила. Я в ответе за то, что сделал, но не за то, каким образом вынесла в свет эту ночь Каприс.

Последние слова Джеймса заставили меня задуматься. Каприс действительно была заинтересована в том, чтобы Летиция считала Джеймса насильником. Потому приложила колос-

сальные усилия для убеждения сестры, не забывая обогатить события искаженным смыслом. Пожалуй, коварству завистливой женщины в природе нет равных...

8

На следующий день, чуть свет в мою комнату встревоженно постучали. Глубокие раздумья вперемешку с мимолетным сном, где Летиция бросается в омут, не дали снять напряжение прошедшего дня. Разбитой я встала с кровати и вяло открыла дверь.

– Белла, мне срочно нужна твоя помощь! – не мешкая озвучила Летиция, как только влетела в комнату.

Её лицо рдело, а глаза переливались отчаянием. Она говорила так быстро, что было непонятно, чего она желает.

– Нужно только скорее всё сделать, пока он не вернулся! Я видела, Джеймс дома, в кабинете отца. Кабинет находится на первом этаже, первая дверь налево. Запомнила?

Она протянула неподписанный конверт и подтолкнула меня в спину к шкафу, подразумевая, что мне надлежало одеться. Я вспыхнула, поворачиваясь к ней лицом.

– Объясни по порядку, Летти, чего ты от меня хочешь?

– Ради всего святого, сделай для меня эту малость! – Летиция крепко вцепилась в мои руки. – Я больше никогда тебя ни о чем не попрошу! Клянусь! Тереза сказала, Уильям Кемелли собирается женить Джеймса на Каприс. Это мой последний шанс! Надо успеть, чтобы Джеймс прочел моё письмо до прихода отца. Тогда он не станет жениться на ней! Белла, не бросай меня в беде!

Из глаз Летиции брызнули слезы, которые заставили меня без надлежащего прилежания совершить туалет и быстро (насколько позволяла нога) прийти к веранде дома Кемелли. Я громко постучала несколько раз подряд, но мне никто не отворил. И тогда я набралась дерзости приоткрыть дверь и тихонько войти.

В доме летала тишина; не было посторонних звуков или далеких шагов, и стоило полагать, что в доме действительно никого не было. Слева находилась дверь, по мнению Летиции, там располагался кабинет Уильяма Кемелли, где должен находиться Джеймс. Не нарушая правил этикета, я постучала в дверь кабинета и спокойно вошла. Но Джеймса там не было. Ближе к окну громоздился письменный стол с выдвижными ящиками и два кресла в стиле упомянутом ранее, под ногами – менее своеобразный ковёр, сверху – винтажная люстра, сбоку – закрытый шкаф. Пышная обстановка не обошла стороной даже эту комнату дома, считающую строгость за успех решаемых здесь рабочих моментов.

Я собиралась уходить, как вдруг со стороны двери послышались чьи-то расторопные шаги. Они приближались очень быстро, и времени на думы оставались считанные секунды. Разум охватило смятение. Я предположила, что в кабинет направлялся Джеймс, что было мне только на руку, но моё присутствие в чужом доме при таких обстоятельствах выглядело крайне нелепо и подозрительно. Меня охватило стыдливое волнение. Что если в кабинет поспешает сам Уильям Кемелли собственной персоной? Страшно представить, каким образом мне бы пришлось объясниться, почему нахожусь в его кабинете без положенного разрешения хозяина. Моё сердце отчаянно металось по груди.

– Чудесная выдалась прогулка, – сказал мужской сипловатый голос.

Не найдя более подходящего убежища, я открыла шкаф – в одной стороне стопкой лежали книги, в другом висели сюртуки – спряталась в одежде и стала наблюдать сквозь узкую щелку между закрытыми дверцами шкафа. Дверь в кабинет распахнулась; показалась статная, мужественная фигура мужчины, лет так пятидесяти, полностью седого, с гладкими приглаженными волосами. Черты его маленького лица были необычайно благородны. На пальцах ухоженных рук отливали блеском драгоценные персты, в кармане – часы на цепочке, в глазу – монокль. Одежда опрятна и новомодна. Это и есть Уильям Кемелли, подумалось мне, а вторым был Адриано Медичи.

Уильям обошёл стол и сел в кресло, жестом показывая на свободное место напротив.
– Благодарю, – сказал Адриано. – Уильям, так о чем ты хотел поговорить?

Синьор Кемелли достал сигареты из ящика стола и предложил синьору Медичи. Тот поблагодарил и угостился одной; вскоре оба выпускали вверх сизый едкий дым, копаясь в собственных мыслях.

У меня дрожали ноги. Шкаф был сделан из добротного дерева, и щелей практически не было, кроме той, что я оставила. Воздуха становилось всё меньше, да и тот представлял собой единый тяжёлый смрад, в котором смешались запахи духов, застарелой одежды, пыли, и от него безудержно кружилась голова. Моей задачей было не впасть в отчаяние, я пыталась вразумить себя.

– Дорогой друг, – чувственно сказал Уильям Кемелли, стряхивая пепел. – Ты знаешь, наша семья владеет плантацией десятки лет. И мы прекрасно знаем о семьях друг друга.

Адриано Медичи понимающе закивал, и синьор Уильям продолжал вкрадчивым деликатным тоном.

– Да, мы уроженцы разных стран. Но на пороге современности нет смысла отделять одних от других. Насколько мне известно, ты собираешься выдать дочерей замуж, а я планирую покончить с холостяцкой жизнью Джеймса. Почему бы нам не избавиться от проблем обоюдно? Давай обручим моего сына Джеймса и твою дочь Летицию.

Поочередно потирая пальцем размашистые усы, синьор Адриано старался выглядеть деловитым, но блеск в хитрых маленьких глазах скрыть не удавалось. Он немного помедлил, увенчивая воздух интригой решения. А синьор Кемелли ждал с присущим достоинством английских джентльменов.

– Caro! Клянусь, я польщен твоим предложением, но оно требует некоторого времени на размышление. Все-таки обе мои дочери весьма достойные девушки, и большая часть Италии почтет за честь сродниться с нами.

Было понятно, что Адриано Медичи набивал себе цену. Но по всей видимости Уильям сразу раскусил честолюбивые помыслы и сдержанно улыбнулся.

– Согласен, не зря же и я не устоял от такой сделки.

Они обменялись улыбками, как два предусмотрительных торговца, которые боятся упустить удачу, чувствуя, как та держится на тонкой леске, способной оборваться одним неверным жестом. Адриано ещё немного подумал. Неопытно выпуская дым, он силился угнаться за ловкостью навыков собеседника.

– Видишь ли, – медленно изрёк Адриано, – твоё предложение смутило меня больше не внезапно, а своей сутью.

– Без пояснений наш многообещающий диалог обречён на провал, дорогой друг, – ответил синьор Уильям. – Что мешает тебе согласиться на их брак?

– Пойми меня правильно, Уильям. Мои девочки имеют небольшую разницу в возрасте, тем не менее, сперва я бы хотел выдать замуж Каприс, а не Летицию.

Уильям галантно склонил голову и взглянул на собеседника смеющимися глазами.

– Понимаю, Каприс – прекрасная партия. Она красивая и бойкая. Но мне бы хотелось, чтобы жена Джеймса обладала такими качествами, как смирение и женская мудрость. Я ни в коем случае не хочу задеть твои отцовские чувства, но смею заверить, что Джеймс и Летиция будут счастливой четой.

Адриано мгновение помолчал, делая глубокую затяжку сигаретой. Я предположила, что ответ у него был готов тут же, но для большей важности он решил потянуть время. Уильям глядел на него тем же величественным взором, продолжая спокойно курить.

– Что ж, по рукам, Летиция так Летиция. В конце концов я устрою судьбу обеих, и не важно месяцем раньше или месяцем позже.

То, как Уильям держался в переговорах, сулило ему достижение немалых побед. Для мужчины он имел довольно мягкий, красочный голос, что могло бы открыть ему путь к безграничной славе на сцене. Его манерные жесты – эталон учтивости, а мимика благородна и своевременна. Галантность сочеталась в нём с королевским достоинством. Удивительно, что Джеймс не унаследовал ни одну из богатства черт любезного характера синьора Кемелли. Они докурили сигареты в гробовом молчании. Определённо, друзьями они не были, но вопреки тому выражали огромный почёт и радушие друг другу.

– Мы ждём вас на обед завтра, – вставая, сказал Медичи, – обсудим детали обручения.

Они обоюдно пожали руки, и Адриано удалился. Пораженная открытием, где женой Джеймса станет не Каприс, а Летиция, я снова убедилась, что полагаться на слухи глупо и наивно, даже если первоисточником послужила уважаемая женщина, такая как Тереза. Но не только это превращало мой разум в хаотичность движения мыслей. У меня захватывало дух от того, что Уильям, открыв дверцу шкафа, чтобы достать необходимый документ или предмет одежды, вдруг обнаружит меня внутри. Сознывая, что просиживание в шкафу выглядело куда большей нелепостью, чем встретиться с адвокатом лицом к лицу, я металась разумом между позором и паническим отчаянием. И пока мной совершался выбор, Уильям Кемелли встал с места и повернулся лицом к окну. Он размышлял; на что указывали сложенные за спиной руки и непричастный взгляд. Его задумчивость не улетучилась даже, когда в кабинет быстро постучали.

– Войдите.

Дверь открылась, и показался Джеймс. Он был крайне невесел.

– Ты хотел меня видеть? – спросил Джеймс безучастным голосом.

Не оборачиваясь, Уильям жестом указал на кресло, и Джеймс тотчас повиновался.

– Ты уже не мальчик, Джеймс. Скоро тебе исполнится двадцать девять, а ты до сих пор не определился в жизни. Я не буду жить вечно, соответственно не сумею контролировать твои действия, которые без необходимого контроля покинут чертоги здравого смысла и в дальнейшем уничтожат шанс получить обеспеченную и счастливую жизнь. Ты бездарно ведешь контору, и, увы, наше дело под твоим руководством выроет себе могилу на загубленных возможностях. Потому я нашёл выход. Надеюсь, семейное положение пойдёт тебе на пользу.

Уильям повернулся к сыну, вероятно, не понимая его реакции. Казалось бы, тот важный момент, когда решается перспектива дальнейшего будущего имеет неизмеримое значение для каждого человека, но Джеймс был безучастен, словно собственная судьба виделась ему игрой, где он лишь повинен предопределению. Он слушал внимательно, не выказывая ни взглядом, ни мимикой того изумленного пренебрежения, на которое, похоже, рассчитывал Уильям. Лицо Джеймса отдавало тайной. Вспоминая тот день и развитие последующих событий стало многое ясно о Джеймсе Кемелли, но, сидя тогда в шкафу, я не смела предугадать, что прячется за стеной беспечной серьезности.

Уильям налил в стакан воды и, сделав глоток, утер выступившие капли пота с висков.

– Я назначил твоё обручение с дочерью Медичи.

Джеймс молчал, продолжая смотреть равнодушно.

– Даже не спросишь на какой из дочерей?

– Обручение назначено. Разве есть разница?

Поддаваясь на провокацию, синьор Уильям был раздосадован спокойствием сына.

– Прекрати извиваться ужом на сковородке, делая из меня тирана! – гневно вскричал он. – Пойми уже, я хочу для тебя лучшей доли! Одиночество – весьма незавидная участь. К тому же при таком отношении к судьбе один ты явно погибнешь. Что дано тебе жизнью кроме абстрактности мышления, которая только мешает жить как все нормальные люди?

– Может потому что я не считаю себя таким, как все, и преследую иные цели.

– Интересно какие? – синьор Уильям навис телом над столом. – Только не говори, что музыка достойна почестей! Музыка – слишком ограниченный род занятий. Принесет ли она истинное удовольствие, когда по воле злого рока, к примеру, ты лишишься слуха или зрения? Женщина – самый проверенный способ согреться ночами, не только телом, но и сердцем. Кому ты будешь нужен, когда жизнь превратит тебя в беспомощное жалкое насекомое? Может быть, скрипка даст тебе пищу, подогреет на огне суп или приласкает в горькие часы? Ах, прекрати эту шекспирщину!

Джеймс вызывающе посмотрел в глаза отцу.

– Если говорить о музыке, которая снаружи – ты прав, она действительно несовершенна и хороша при определенных обстоятельствах. Но музыка, рожденная и оживающая внутри, не нуждается в условностях. Она идеальна.

– Джеймс, твои суждения легкомысленны! Нельзя прожить увлечениями, нужно зарабатывать себе на хлеб. Я сколотил немалое состояние, но ты не получишь ни крупички из того, если не бросишь валять дурака!

Джеймс не сводил ясных проникновенных глаз с отца. Во взгляде Уильяма говорили твердыня и злость. Джеймс встал:

– Доброго дня! – мягко сказал он, после чего сразу удалился.

Я припомнила слова Джеймса, сказанные при первой встрече наедине: «Добро и зло – понятия относительные.», и по неведомым причинам почудилось, в ту самую минуту заявленного добра Джеймс отцу не желал.

Когда шаги Джеймса стали уже отдаляться, Уильям тяжело вздохнул и тоже покинул кабинет.

9

Уже спустя многие годы меня спрашивали: каким вам виделся великий гений – Джеймс Кемелли? Я затруднялась дать точный, но в то же время красочный, насыщенный аргументами ответ. Беседы с ним были мимолетны, а выводы после разговоров запутанны. Описать в двух словах противоречивую натуру, в которой по юности лет блуждал даже сам Джеймс, было невозможно. На первый взгляд он представлял собой обычную геометрическую фигуру, мало отличную от других фигур, живущих по законам науки и повинную общим правилам. Но на самом деле это было грубое заблуждение. Стоило лишь слегка углубиться в автобиографию, знакомую единицам – и становилось очевидным, что та повинность Джеймса была наигранной видимостью. В виду некоторых сил, упомянутых им в одном из наших разговоров и понятую мной значительно позже, видимость сохранялась долгие годы. Но никакая сила не сумеет остановить уничтожение урожая от налетевшей саранчи. Джеймс Кемелли служил урожаем для несравненного дара, который будто саранча зародился в теле младенца и остался пожирать его до конца бранных дней.

Избирательность памяти – вещь уникальная. Признаться, я начинаю забывать многие встречи, суть разговоров, а иногда вовсе не помню, куда положила очки для чтения или записную книжку, зато воспоминания, связанные с Джеймсом Кемелли, не боятся палача, именуемого временем. Они будут существовать в памяти, пока дышащее тело не покинет жизнь. Я помню, как сейчас, тот день, когда отсиживалась в шкафу кабинета Кемелли. Ноги дрожали, а испуганное тело бил озноб от возможного стыда. Но мне удалось остаться незамеченной. Я прошмыгнула в гостиную к уличной двери как раз, когда Джеймс спускался по лестнице. Вероятно, тогда он подумал, что я только что появилась в доме.

– Вы снова пришли читать нотации? – спросил он меня. – Тогда спешу огорчить: сегодня я пребываю в ужасном расположении духа.

То являлось неоспоримой правдой: Джеймс был необычайно хмурым. Редкие бесформенные брови едва заметно сдвинулись, а в глубоких глазах жила пустота.

– Нет, я пришла отдать вам это.

Я протянула ему письмо Летиции. Джеймс устремил на него усталый взор, протянул руку, вялым движением взял послание и немедленно порвал его пополам, протягивая назад оставшиеся кусочки. Я остолбенела, глядя на изничтоженное письмо, на которое Летиция возлагала чуть ли не святую веру. Джеймс отошёл к патефону у дальней стены, где рядом с ним теснился секретер с ящиками, и поставил музыкальную пластину. По комнате разнеслась торжественная мелодия, и нельзя было ни признать мотивы произведения «Времена года. Осень⁸». Точно прикованная, я стояла на месте, стараясь вернуть себе дар речи и способность чётко формулировать вопросы, пока Джеймс не отрывал глаз от крутящейся пластинки.

– Вам не интересно, что там было написано!? – овладев собой, спросила я.

– Мне всё равно.

– Даже не спросите от кого оно?

– Я не жду писем. Всё равно.

– А я скажу от кого, может, тогда вы задумаете все-таки его прочитать.

Не соизволив дожидаться моего ответа, Джеймс открыл первый ящик секретера и достал целую стопку писем, связанную шпагатом.

– Вот, прочтите, если вам любопытно, – Джеймс небрежно швырнул её на круглый стол. – Думаю, автор у них один и тот же.

⁸ Произведение для скрипичного концерта венецианского композитора Антонио Вивальди, написанное в 1723 году.

Я взглянула на верхнее письмо. На белом запечатанном конверте посередине было начертано красивым прилежным почерком: «Джеймсу Кемелли». Казалось, каждая буква двух слов обычного имени несла в себе безвинную прелесть любви, переполняющую душу отправителя. Когда Каприс говорила о письмах Летиции к Джеймсу, я полагала, она отправила одно, два письма – не более. Но их было порядка шестидесяти! Я подняла глаза на Джеймса. Он выглядел отчужденным, изредка касаясь указательным пальцем играющей черной пластины. В его глазах не было ясности и фанатизма к загадочным фразам, вносящим путаницы в сознание тех, кто состоял с ним в прямом диалоге. Душа словно покинула его тело, опечаливаясь неизмеримой утратой настолько, что слова: «мой бедный мальчик» из уст Терезы подошли бы как нельзя кстати. Мне не терпелось разобраться в его личности так, как это делает врач, выявляя у тяжелобольного скрытый недуг. Моё изумление предельно возросло.

– Вы не вскрыли ни одного конверта?

– Одно вскрыл и долгое время сожалел об этом.

Наш разговор прервался стуком в дверь. Каждые две секунды с удвоенной силой он становился громче и навязчивей. Лицо Джеймса возвращало себе ровный тон повседневности, но он даже не двинулся с места. А неизвестный гость продолжал настойчиво стучать.

– Разве не слышите, что в дверь стучат? – не выдержала пытки я.

– Пусть.

Он говорил сухо, равнодушно, точно рот открывался без воли и только потому, что из разума поступали нервные импульсы. Я продолжала взывать к его совести.

– Открывать в вашем доме я не могу. Так не принято!

– Так не открывайте.

Надрывной стук проверял нервы на стойкость, и спустя несколько коротких мгновений, не выдержав, я повернулась к двери и открыла её. Не растрчиваясь на любезности, в комнату влетела Каприс, возбуждённая и румяная от досады, что ей не оказали должного внимания. Вероятно, приравнивая меня к мебели роскошной гостиной дома, она даже не взглянула в мою сторону и сразу метнулась к Джеймсу. Её яростное лицо обдавало лютой ненавистью.

– Тебе сложно открыть? – взревела она.

Джеймс не потрудился поднять глаз и отвечал монотонной холодностью.

– Убирайся к дьяволу.

– Это после того что с нами было?

Для большего эффекта Каприс громко кричала и размахивала руками. Право, женские истерики так банальны!

– После того, как я тебя жестоко истязал?

Я поняла, что Джеймс задумал отмыться передо мной от чёрной грязи сплетен Каприс, вылитой на него.

– Нам следует поговорить, Джеймс, – Каприс замялась, по всей видимости вспомнив, что я нахожусь за спиной. – Белла, попрошу тебя выйти.

– Она останется, – тем же пренебрежением ответил Джеймс. – Хочешь – говори, нет – убирайся.

Каприс была поражена, и я не меньше. Стоя боком, Джеймс не заботился о манерах. Застывшая гримаса на ехидном его лице была многозначительна, и рассудить её не всякий взялся бы. Думается, Джеймс был рад случаю, когда можно вдоволь потешиться. Но в то же время он бы предпочёл никогда не открывать дверь ни для одной из дочерей Медичи. Они забавляли его и одновременно навивали скуку.

Каприс ломала руки. Её исключному характеру смущение было неприсуще, но видимо тогда ей было неловко вести в открытую довольно личную беседу.

– Джеймс, ты слишком жесток ко мне! Умоляю, не губи! Нам ведь было так хорошо вместе. Вспомни, той ночью ты говорил, как я сильно нужна тебе, говорил, что у меня есть всё,

чтобы завлечь мужчину и подчинить его себе. Но ты ошибся, я невольна перед тобой и твоим равнодушием. Прошу, сжался! Неужели ты не видишь, как я беспомощна влюблена в тебя?

Джеймс поразмыслил с минуту, оставаясь в неизменном положении.

– Вижу... что не влюблена. Твои чувства лишены искренности и напитаны ядом. Они совершенно иного характера, нежели о котором твердишь ты.

– Чушь! Я люблю тебя!

– Нет, в тебе говорит дух лидерства. Ты хочешь затмить сестру и доказать всем, что ты лучше её. А теперь уходи.

– Так ты женишься на ней? Она тебе больше по нраву? Как ты можешь так поступать со мной после того, как я сполна отдала тебе честь и своё достоинство? Подарила всё, что у меня было! Играла в твои грязные игры! А теперь ты выбросил меня, как использованную шляпу, и такой чистенький, с незапачканной репутацией пойдешь под венец с моей сестрой, сделав вид, что ничего не происходило?

Джеймс больше не обмолвился, хотя Каприс продолжала засыпать бессмысленными вопросами, кидаясь то к нему, то по комнате, как дикая расвирепевшая кошка. Она была крайне уязвлена. Её лицо исказилось чарами злобы и гнетущей досады, и, наблюдая за ней, я никак не могла взять в толк, по какой причине Каприс заслуживала многочисленные симпатии мужчин. Должно быть, многие отличали в ней пыл и красоту. Но тот пыл обладал разрушающим действием, а красота являлась корыстной приманкой. Как только появлялся поклонник, Каприс впускала в него жало прирожденного коварства, обесточивала и забирала силу. В природе так расчётливо поступает самка богомола, уничтожая того, кто некогда был ей близок плотью. Но помимо корыстолюбия у Каприс присутствовала ещё одна утомительная особенность – её было слишком «много» во всем: в разговоре, где она болтала громче всех; в действиях, опережающих достойные манеры, и даже во взглядах, которые расточала с пристальной дотошностью охотника на лицах тех, кто окружал её. Дома будто бы всё вертелось только вокруг неё, и порой казалось, старшины семьи Медичи забывают, что у них есть ещё и младшая дочь – Летиция. То, что безвозмездно прощалось Каприс – другой не сходило с рук. Летиция была довольно смиренной, чтобы оказывать неуважение к старшим, что скорее всего объяснялось проживанием на родине. Каприс в детстве перенесла тяжёлый грипп и долго лечилась в Германии. Это оказало существенное влияние на формирование пренебрежительного поведения. Порой она забывалась, что перед ней не обычная немка-горничная, а почитаемые родители, ровно как в те минуты позабылась, что непристойно столь вызывающе вести себя в доме постороннего мужчины.

Джеймс продолжил сохранять молчаливую позу. И Каприс сдалась.

– Женившись на ней, ты разобьёшь моё сердце...

– Мне всё равно на твои чувства, тебя и твою мольбу. Проваливай к дьяволу.

Его равнодушие удивляло. В той картине жестокого романтизма различалась нерушимая власть мужского самообладания, сковывающая льдом безразличия, а также ничтожность человеческого духа. Мы рабы чувств. И беспомощность Каприс служила наглядным примером слабости. До конца я не могла судить о водах, наполняющих её внутренний мир. Откровению со мной она поддавалась только, когда дело касалось сводной сестры. А кроме того, много ли я смыслила в любви в те годы? Но как бы не так, был ли тот случай проявлением любви или нелегкой погоней за первенство – оба варианта выглядели убого.

Каприс огляделась по сторонам и, увидев стопку писем на столе, схватила связку и швырнула на пол – это было последнее, чем она могла смягчить рану на лоне ужаленного самолюбия. Джеймс повернул голову в ту минуту, когда Каприс, оттолкнув меня в сторону, вылетела из дома Кемелли, захлопнув дверь.

– Что вы скажите об этом? – спросил Джеймс, растягивая таинственную улыбку на губах.

– Это отвратительно! – воскликнула я. – Вы были непростительно грубы с Каприс.

– Я лишь вёл себя так, как позволяла она с собой вести. Всё это дешёвый спектакль, не более. Она слишком бездарна, чтоб играть талантливее.

Те слова Джеймса открыли глаза на причину безжалостности к Каприс. Я часто задумывалась над ними в преклонном возрасте и наконец поняла, что главный кирпичик, благодаря которому строится та или иная связь между двумя людьми – это присутствие в характере чувства собственного достоинства. Согласно этому на подсознательном уровне сперва происходит оценка положения другого человека в обществе, его степень самодостаточности, самокритики, и только потом выбирается соответствующая концепция поведения. Джеймс некоторое время наблюдал за Каприс. Сама того не замечая, она потеряла к себе уважение и позволяла издеваться над собой – именно так Джеймс и поступал, напоминая тем самым животный инстинкт самосохранения, благодаря которому даже самый кровожадный хищник прежде, чем кинуться на жертву – сначала изучает её, ищет слабые стороны, сопоставляет силу своей силе. Ни с одним львом не станет сражаться гиена; трусливо поджав хвост, она умчится прочь в прерии, чтобы выжидать. И только когда лев ослабнет, она сумеет попытать счастья в борьбе за лидерство...

– Почему вы избегаете Летицию? – вдруг спросила я.

– Прочтите одно из писем, – предложил Джеймс. – Неважно какое. Я уверен, они похожи как две капли воды. Возможно, тогда ваш вопрос станет бесполезным.

Мне вспомнился дядюшка Джузеппе, который с детства вкладывал в мою голову элементарные нормы; он говорил: «Нельзя читать чужих писем. Письмо обладает особыми правами, и вникать в тайный смысл послания равносильно зайти в комнату чужого дома, где хозяин дома наг.» Но Джеймс был настойчив. Неясно, зачем ему понадобилось, чтоб я вдавалась в суть его любовных интриг, но я все – таки забрала последнее порванное письмо.

Выйдя из дома Кемелли, я застала Каприс на веранде. Она ходила взад-вперёд, покусывая пальцы. Завидев меня, Каприс подскочила ближе и крепко обняла.

– Прости! Не знаю, что на меня нашло. Словно бес вселился! Я не хотела тебя толкнуть. Ты же понимаешь, я не могу обидеть...

Каприс замялась, и я не без иронии дополнила.

– Калеку?

Она отстранилась, а из её круглых знойных глаз изливалось сострадание, от которого хотелось убежать.

– Говори! Не стесняйся! – сказала я, желая поставить её в затруднительное положение. Но получилось совсем наоборот.

– Белла, мне правда жаль. Мы скоро выйдем замуж: я, Летиция... А тебе, наверно, крайне обидно смотреть на счастье других.

Слегка оторопевшая, я старалась проникнуть в пропасть бессовестных глаз Каприс. Она смотрела придирчиво и беспардонно, наглым взглядом бесчестия. Её тело было пропитано ядом, и тот яд, отравляющий речь и невинность движений, тотчас впитывался телом собеседника. Происходило заражение, и не менее обезоруживающая злость брала верх над телом пораженного. Каприс была неглупа и вполне могла сообразить, какую боль причиняет такими словами невольному игроку того антракта. Вероятно, она замыслила отомстить мне за то, что я лицезрела момент её великого позора.

– Ты знала, что женой Джеймса станет Летиция, а не ты! – неожиданно сказала я.

Каприс растерялась, пряча глаза. А я продолжила натиск.

– Ты наврала Летиции, что Джеймс женится на тебе, дабы нанести ей решающий удар, а ещё втянула в бесчестную игру доброе имя Терезы!

Каприс метнула гневный взгляд.

– Я не могла сидеть, сложа руки. Джеймс неровня ей. Летиция – ослепительный ангел, а Джеймс – сатана. И он обязательно её погубит.

– Неправда! Ты и не думала о сестре. Тебе хотелось досадить ей, и ты выбрала самый жестокий метод. Это гнусно и подло! Прежде, чем жалеть меня – пожалей лучше себя. Физическое уродство ничто по сравнению с моральным...

10

Вечером, когда домочадцы Гвидиче разбрелись по комнатам, я спустилась вниз в столовую, чтобы прочесть письмо Летиции. Там горел свет керосиновой лампы, а за столом сидела жена Антонио – Доротея. Гладко приглаженные волосы её были зачесаны назад в солидную причёску, а плечи прикрывал большой кружевной платок. Она немного сутулилась и, вероятно, пребывала в трепетных думах, поскольку шум моих шагов не заставил её обернуться. Я прошла мимо и села рядом, а Доротея смахнула рукой слезу, бегущую по щеке, и поспешно выпрямилась.

– Дороти, что случилось? – поинтересовалась я.

– Ничего особенного. Просто услышала музыку со двора и немного задумалась.

Она продемонстрировала улыбку: такую мягкую, безмятежную и счастливую. Но её лукавство только оживило мой интерес. Я никогда не замечала в ней неистойой грусти, а уж тем более не заставляла в слезах.

Доротея была одной из тех людей, которыми нельзя ни восхищаться. Точнее не сказать: примерная мать семейства, обладающая набором отменных качеств. Встречая такого человека, сложно поверить, что перед тобой чистой воды идеал. Это сразу наталкивает на поиски порочных истоков внутри благочестивой натуры. Но в Доротее я не сыскала греховного. Она была разной в соответствии с ситуацией: нежной и целомудренной – когда возилась с детьми; любящей и доброй – с супругом; элегантной, изящной – при выходе в свет. Да и помимо аристократичного характера в ней присутствовала гармония души и тела. Её утонченную фигуру многие находили привлекательной. Она имела довольно приличные округленные формы. А красивое загорелое лицо Доротеи легко бы вписалось в эпоху Возрождения: над светло-изумрудными распахнутыми глазами парили изящные тёмные брови, и взгляд у неё был всегда томный, очень притягательный. Помнится, один приезжий художник родом из Венеции – Альфредо Риччи так увлекся благолепием синьоры, что попросил у Антонио разрешения написать портрет Доротеи. Но Антонио только что не поколотил наглеца.

– Она будто тень Мадонны! – приговаривал Альфредо. – *Bellissimo*⁹! Я беспомощно влюблён!

Доротея всегда держалась холодно в разговоре с другими мужчинами, а воздыхателей и вовсе сторонилась. Их счастливый союз с Антонио вызывал зависть. Они никогда не ругались, что делало их брак прочным, как гранит. Всякий раз, когда они спускались вместе по лестнице, и Антонио галантно подавал руку Доротее на последней ступени, я была готова отвесить низкий поклон за столь невероятную теплоту, которая исходила от четы. Вокруг них витала святая любовь!

⁹ Прекрасна (итал.)!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.